Изъ записокъ Маріи Аггеевны Милютиной.

VI [1]).

Мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ о запискѣ Апраксина и о всеподданнѣйшихъ адресахъ при представленіи ихъ въ главный комитетъ.—Отъѣздъ депутатовъ.—Временное успокоеніе умовъ и торжество коммисіи.—Начало зимы 1860 года.—Кончина Я. И. Ростовцева.—Ланской предлагаетъ себя на его мѣсто.—Отвѣтъ государя и назначеніе графа Панина.—Нѣсколько записокъ Ланскаго къ Н. А. Милютину.

Четыре осенніе мѣсяца 1859 года (августъ, сентябрь, октябрь и первая половина ноября) прошли въ сильной агитаціи. Это время изобилуетъ доносами, записками, адресами и заграничными брошюрами противъ редакціонной коммисіи. Наиболѣе замѣчательные по тону и содержанію были: записка В. Апраксина, Зибергъ-Платера, Безобразова и брошюры: Безобразова же, Орлова-Давыдова и Кошелева, два поданные адреса (за подписью 5-ти и 18-ти членовъ) и копія съ неподаннаго адреса. Взглядъ на нихъ Николая Алексѣевича и его товарищей обнаруживается въ слѣдующихъ запискахъ министра внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскаго.

1.

Секретное мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, по поводу врученной ему государемъ записки В. Апраксина, 31-го августа 1859 года.

Прочитавъ со вниманіемъ записку Апраксина, я убѣдился, что она заключается въ себѣ тѣ же основныя идеи и такія же стремленія, какія

[1]) См. „Русск. Стар.“ мартъ 1899 г.

высказываются, съ нѣкоторыми лишь оттѣнками, въ рукописномъ проектѣ адреса, ходящаго по рукамъ, въ двухъ печатныхъ запискахъ Николая Безобразова (изъ коихъ одну онъ самъ мнѣ читалъ въ рукописи годъ тому назадъ), въ мнѣніи написанномъ Михаиломъ Безобразовымъ и представленномъ офиціально членомъ здѣшняго комитета Платоновымъ; въ брошюрѣ графа Орлова-Давыдова, напечатанной въ Парижѣ; наконецъ въ брошюрахъ Шедо-Ферроти (барона Фиркса) и въ разныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ теченіе двухъ минувшихъ лѣтъ въ иностранныхъ журналахъ. Во всѣхъ этихъ статьяхъ проявляется мысль о дарованіи русскому дворянству участія и власти въ дѣлахъ политическихъ.

Разговоры мои съ помянутыми лицами и съ другими, не столь явно выражающими свою задушевную мысль, подтверждаютъ мое убѣжденіе. Но если бы, на этотъ счетъ могло быть какое либо сомнѣніе, то оно вполнѣ устраняется послѣднимъ разговоромъ моимъ съ Апраксинымъ.

Когда я объявилъ ему приказаніе вашего величества, то онъ, покоряясь искренно вашей волѣ, выразилъ прискорбіе, что вы могли усумниться въ чистотѣ его побужденій, полагая что онъ кому либо сообщилъ изложенную передъ вами откровенную свою исповѣдь. Но тѣмъ не менѣе, въ развитіе своихъ мыслей онъ положительно высказалъ, что, упоминая объ уступкѣ дворянству части правительственной власти, помышлялъ о конституціи, что эта мысль распространена повсемѣстно въ умахъ всѣхъ дворянъ и что если правительство не внемлетъ такому общему желанію, то должно будетъ ожидать весьма опасныхъ послѣдствій.

Вотъ окончательная разгадка всѣхъ разнородныхъ брошюръ, мнѣній и записокъ, которыми нѣкоторыя лица старались послѣднее время дѣйствовать на общественное мнѣніе.

Съ самаго появленія рескриптовъ, противники освобожденія крестьянъ пугали, что дворянство въ замѣнъ крѣпостного права, потребуетъ правъ политическихъ. Думаю, что и теперь есть люди, которые говорятъ о конституціи лишь съ цѣлью напугать правительство и задержать крестьянское дѣло. Но не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые дѣйствительно желаютъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобъ понемногу ввести представительное начало въ рѣшеніе дѣлъ государственныхъ.

Всѣ поименованные статьи и брошюры служатъ тому несомнѣннымъ доказательствомъ. Вообще послѣднее время, такое стремленіе стало заявляться особенно въ высшихъ кругахъ съ такою гласностью и смѣлостью, которыя, какъ думаю, не должны быть терпимы. Зараженные аристократическими идеями или, лучше сказать, властолюбіемъ и чванствомъ, нѣкоторые изъ нашихъ баричей мечтаютъ о Боярской думѣ,

т. е. правленіи олигархическомъ. Другіе прославляютъ англійское устройство, и требуютъ сословнаго самоуправленія, къ нимъ присоединяются нѣкоторые изъ провинціальныхъ дворянъ, далеко не аристократы по рожденію, образованію и общественному положенію своему, но требующіе тоже дворянскаго представительства. Это движеніе очевидно вызвано горстью людей, которые не могли бы подвинуть массу дворянства, еслибъ они не возбуждали страстей, разыгравшихся по случаю крестьянскаго вопроса. Мои сношенія, какъ офиціальныя, такъ и частныя, убѣждаютъ меня, что дворянство, въ общей массѣ, не можетъ и не должно мечтать о представительномъ правленіи, какъ совершенно противномъ и нашимъ нравамъ, и степени образованія, и кореннымъ государственнымъ интересамъ.

Въ этомъ отношеніи нельзя не полагаться на общій здравый смыслъ и практическій складъ русскаго ума. Но въ настоящее время, происки нѣсколькихъ честолюбцевъ могутъ производить минутное дѣйствіе на дворянъ болѣе покойныхъ и благоразумныхъ. Самыя несправедливыя обвиненія, скажу даже—клеветы противъ правительства распространяются людьми, несочувствующими предпринятой реформѣ, не исключая, къ сожалѣнію, даже лицъ высшаго управленія. Такимъ образомъ искусственно поддерживается и разжигается неудовольствіе въ дворянствѣ, которое безъ того не помышляло бы о конституціонномъ правленіи. Этимъ объясняются отчасти слова Апраксина, котораго нельзя подозрѣвать ни въ какихъ преступныхъ замыслахъ, но который по слабоумію легко поддается подъ чужое вліяніе.

Самый грустный фактъ тотъ, что противодѣйствіе волѣ вашего величества находитъ наиболѣе горячихъ представителей въ томъ кругу, который приближенъ ко двору и своимъ положеніемъ дѣйствуетъ обаятельно на массу. Изъ лицъ этого круга большая часть или вовсе не желаетъ освобожденія крестьянъ, или требуетъ освобожденія безземельнаго.

Теперь желаютъ воспользоваться прибытіемъ вызванныхъ сюда членовъ губернскихъ комитетовъ, стараясь дать имъ значеніе депутатовъ дворянства. Нѣкоторые изъ членовъ, наиболѣе властолюбивые, пытаются образовать общіе съѣзды или совѣщанія всѣхъ, такъ называемыхъ, депутатовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что они не удовольствуются разсужденіями о примѣненіи общихъ правилъ къ каждой мѣстности, но будутъ прямо или косвенно опровергать самыя начала, изложенныя въ рескриптахъ, въ дополнительныхъ постановленіяхъ и особенно въ высочайше утвержденномъ журналѣ главнаго комитета 4-го декабря 1858 года.

Если губернскимъ членамъ удастся устроить изъ себя особое совѣщательное собраніе, то они не остановятся на этомъ. Уже теперь

заявляется ими мысль, что надо дождаться членовъ изъ остальныхъ губерній. Кромѣ того, многіе открыто выражаютъ необходимость общаго дворянскаго собранія, для рѣшенія крестьянскаго дѣла, согласно съ извѣстнымъ рукописнымъ проектомъ адреса.

Не смѣю скрыть отъ вашего императорскаго величества глубокое убѣжденіе мое, что такое положеніе дѣла весьма важно, ибо грозитъ поколебать государственное спокойствіе.

Понятно, что руководители всего этого движенія стараются прикрыть его разными законными причинами и, выражая свою вѣрноподданническую преданность, громко устраняютъ отъ себя всякое подозрѣніе въ преступномъ посягательствѣ на самодержавную власть.

Но справедливо ли это?

Записка Апраксина и поименованные выше проекты и статьи даютъ возможность прослѣдить главные доводы въ подтвержденіе предъявленныхъ требованій.

1. «Въ упраздненіи крѣпостного права видятъ нарушеніе правъ дворянства».

Еслибъ въ этомъ обвиненіи была тѣнь справедливости, то и тогда оставалось бы только сказать, что крѣпостное право, какъ несовмѣстное съ высшими государственными интересами, терпимо быть не можетъ. Но правды въ этомъ доводѣ нѣтъ. Въ дворянской грамотѣ о крѣпостномъ правѣ вовсе не упоминается. Тамъ говорится только объ исключительномъ правѣ дворянства на владѣніе населенными имѣніями. Очевидно, что предоставленіе личныхъ правъ крестьянамъ, населяющимъ эти имѣнія, нисколько не нарушаетъ прежняго права. Тутъ не только нѣтъ никакого униженія для дворянства (какъ говорятъ противники освобожденія), но значеніе его возвысится, ибо отношенія его къ крестьянамъ будутъ болѣе правильныя и слѣдовательно болѣе нравственныя.

2. «Обязательная продажа усадьбъ и отводъ крестьянамъ земель— нарушаетъ права поземельной собственности».

Противъ этого было уже столько сказано, что я считаю излишнимъ утруждать вниманіе ваше новыми доказательствами. Могу только сказать, что всегда и вездѣ частное право подчинялось общему государственному, что опытъ всѣхъ державъ доказываетъ вредъ безземельнаго освобожденія крестьянъ, и что выкупъ усадьбы и отводъ крестьянамъ земли допускается не даромъ, но за опредѣленную повинность.

По указаніямъ вашего величества, правительство ищетъ самаго полнаго и безобиднаго вознагражденія помѣщикамъ, и только при мирномъ и законномъ разрѣшеніи вопроса властью одного правительства цѣль эта будетъ достигнута. Примѣръ Австріи и другихъ государствъ показываетъ, что въ этомъ отношеніи всего опаснѣе для

самихъ помѣщиковъ, когда разрѣшеніе сложнаго крестьянскаго дѣла уклоняется отъ законнаго пути. Только въ такомъ случаѣ, охраненіе общественнаго спокойствія могло бы отодвинуть на второй планъ частный интересъ землевладѣльцевъ. Съ помощью Божіею, этого не случится. Но дворянство должно содѣйствовать правительству, показывая примѣръ безусловнаго повиновенія, а не возбуждать среди себя безплоднаго волненія противъ установленныхъ властей, и тѣмъ вызвать, быть можетъ, болѣе гибельныя волненія въ народѣ.

3. «Помѣщики потеряютъ большую часть своихъ доходовъ».

Это опасеніе стало особенно распространяться въ послѣднее время. Нѣкоторые распускаютъ слухъ, будто помѣщики лишатся $^2/_3$ своихъ доходовъ; но такое преувеличенное показаніе рѣшительно основано на одномъ лишь гаданьи или съ намѣреніемъ волновать и пугать умы. На самомъ дѣлѣ оказывается, что въ настоящее время (далеко не спокойное) при продажѣ имѣній, цѣны на нихъ не только не падаютъ, а постоянно возвышаются. Не лучшее ли доказательство противнаго, не лучшее ли опроверженіе противъ алармистовъ?

За границею, при уничтоженіи крѣпостного права, да и вообще при всякой экономической реформѣ, всегда дѣйствовали на общественное мнѣніе подобными же опасеніями. Но исторія показываетъ что они не оправдались. Вездѣ съ освобожденіемъ крестьянъ цѣнность имѣній возвысилась; владѣльцы земель не потеряли, а выиграли, и самое земледѣліе не только не погибло (какъ у насъ пугаютъ) но значительно улучшилось, потому что стало производиться на болѣе раціональныхъ основаніяхъ.

Объ этомъ есть замѣчательная статья извѣстнаго экономиста Молинари. Онъ сравниваетъ нашу реформу съ англійскою Роберта Пиля и дѣлаетъ весьма успокоительныя для нашей выводы.

4. Наконецъ, нападаютъ на всю администрацію, на развитіе бюрократіи, на учрежденіе полиціи отъ правительства, и, особенно, на власть губернаторовъ. Отсюда выводятъ необходимость: ввѣрить администрацію дворянству и даже предоставить ему постоянныхъ представителей въ высшемъ государственномъ управленіи.

Конечная цѣль такого направленія очевидна и прямо выражена въ откровенномъ сознаніи Апраксина, самимъ имъ, можетъ быть, непостигаемой.

Недостатки нашей администраціи извѣстны вашему величеству. Во всеподданнѣйшихъ отчетахъ моихъ я излагалъ искренно слабыя стороны внутренняго управленія и по высочайшей волѣ предприняты обширныя работы по этой части. Теперь составляются проекты обо устройствѣ уѣздной полиціи, согласно съ утвержденными началами. Затѣмъ будутъ

представлены соображенія о соотвѣтственныхъ измѣненіяхъ въ губернскомъ управленіи и даже въ составѣ самаго министерства.

Всѣ эти перемѣны требуютъ зрѣлаго обсужденія и времени, какъ на составленіе положенія, такъ особенно на приведеніе ихъ въ дѣйствіе. Онѣ находятся въ тѣсной связи съ преобразованіями по судебной части, изъ коихъ нѣкоторыя уже разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ. Такимъ образомъ, улучшенія предприняты въ широкихъ размѣрахъ и будутъ вводиться съ должною постепенностью.

Среди этихъ правительственныхъ трудовъ, вызванныхъ заботливостью вашею о благѣ вашего народа, общія и поверхностныя указанія частныхъ лицъ на недостатки административнаго устройства теряютъ всякое значеніе и не заслуживаютъ вниманія.

Полагаютъ, что стоитъ передать административную власть дворянству, чтобы исправить всѣ нынѣшніе недостатки. Но на чемъ же это основано? Дворянство, какъ сословіе, ничѣмъ еще не доказало своихъ административныхъ знаній и способностей. Напротивъ, всѣ дѣла, которыя поручались до сихъ поръ сословному управленію дворянства, шли крайне дурно. Примѣромъ могутъ служить хозяйственныя распоряженія по бывшему ополченію; другой примѣръ вѣковой—дворянскія опеки. Въ нихъ, какъ и въ другихъ дворянскихъ дѣлахъ, распоряжаются преимущественно канцеляріи, составленныя изъ чиновниковъ низшаго разбора. Да и кто главные злоупотребители и лихоимцы, если не исправникъ и не судья, избираемые дворянствомъ? Даже лица, назначаемыя правительствомъ, принадлежатъ почти исключительно дворянскому сословію и потому на него же падаетъ большая часть упрековъ, дѣлаемыхъ мѣстному управленію. И при такомъ низкомъ уровнѣ нашего общества мечтаютъ о сословномъ управленіи и даже конституціи!

Все это есть не что иное, какъ пошлое подражаніе иностраннымъ памфлетистамъ, происходящее отъ совершеннаго незнанія отечественнаго быта и крайней незрѣлости въ мысляхъ.

Этимъ однимъ можно объяснить дерзкія выходки, коими наполнены поименованныя выше записки и статьи. Вамъ, государь, осмѣливаются говорить, что всякое довѣріе къ правительству потеряно и что оно неспособно для предстоящей реформы; осмѣливаются бездоказательно порицать всѣ правительственныя распоряженія и клевещутъ на мѣстныя управленія, будто они насиловали выборы членовъ въ губернскіе комитеты, доходятъ, наконецъ, до безсмысленной дерзости: будто правительство призвало дворянство къ участію въ крестьянскомъ дѣлѣ лишь для того, чтобы сложить съ себя отвѣтственность за всѣ послѣдствія.

При такомъ образѣ дѣйствій, стараются обвинять нынѣшнихъ дѣятелей по крестьянскому вопросу въ какихъ-то анархическихъ за-

мыслахъ. Вообще, всѣ противники освобожденія крестьянъ и явно, и тайно сосредоточиваютъ теперь всю свою оппозицію противъ редакціонныхъ коммисій. Говорятъ, и до свѣдѣнія вашего доводится, что всѣ вообще недовольны работами коммисій, «что они не обращаютъ вниманія на мнѣнія губернскихъ комитетовъ, и что въ нихъ преобладаетъ мысль односторонняя, враждебная дворянству».

Неудовольствіе помѣщиковъ понятно. Оно возбуждено было еще рескриптами. Имъ тяжело разставаться съ плантаторскими преимуществами. Теперь, стыдясь въ этомъ сознаться, силятся принять размѣры политической оппозиціи.

Что касается до труженническихъ работъ коммисій, то ихъ порицаютъ больше по слуху, ограничиваясь лишь общими мѣстами, и не входя вовсе въ подробности, для публики столичной и даже губернской мало доступныя, которая коммисіями добросовѣстно разбираются.

Второе обвиненіе также несправедливо. Проекты губернскихъ комитетовъ тщательно и, смѣю сказать, мелочно соображены и разработаны сперва въ министерствѣ, потомъ редакціонныя коммисіи сводятъ всѣ проекты, сличаютъ ихъ между собой и излагаютъ подробно причины, почему то или другое предположеніе не принято. Понятно, что губернскіе проекты не могутъ быть безусловно принимаемы, уже потому, что они между собой не согласны. Коммисіи даютъ предпочтеніе тѣмъ изъ нихъ, которые сообразнѣе съ указанными началами. Это не можетъ нравиться лицамъ, которыя свой проектъ силились сдѣлать общимъ, навязавъ его правительству вопреки высказаннымъ началамъ.

Если такимъ образомъ не доказана односторонность взгляда коммисій, то еще труднѣе будетъ доказать враждебное ея противъ дворянства направленіе.

Коммисіи составлены почти исключительно изъ помѣщиковъ, большею частью постоянно жившихъ въ деревняхъ, знакомыхъ и съ дворянскимъ въ провинціи, и съ крестьянскимъ бытомъ, и они хотя обнаруживаютъ свое сочувствіе къ улучшенію быта крестьянъ, но не имѣютъ никакой причины жертвовать законными интересами своего собственнаго сословія.

Я могу говорить безпристрастно, ибо въ назначеніи членовъ не имѣлъ иного участія, какъ только изъявилъ согласіе на назначеніе такихъ изъ нихъ, которые состоятъ подъ непосредственнымъ моимъ начальствомъ (3-хъ чл. изъ 30-ти). Поэтому, смѣю положительно сказать, что избраны были люди даровитые, знающіе дѣло и вообще достойные этого призванія. Большая часть изъ нихъ доказали и въ губернскихъ комитетахъ свои способности и душевное расположеніе къ предпринятому вашимъ императорскимъ величествомъ преобразованію.

представлены соображенія о соотвѣтственныхъ измѣненіяхъ въ губернскомъ управленіи и даже въ составѣ самаго министерства.

Всѣ эти перемѣны требуютъ зрѣлаго обсужденія и времени, какъ на составленіе положенія, такъ особенно на приведеніе ихъ въ дѣйствіе. Онѣ находятся въ тѣсной связи съ преобразованіями по судебной части, изъ коихъ нѣкоторыя уже разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ. Такимъ образомъ, улучшенія предприняты въ широкихъ размѣрахъ и будутъ вводиться съ должною постепенностью.

Среди этихъ правительственныхъ трудовъ, вызванныхъ заботливостью вашею о благѣ вашего народа, общія и поверхностныя указанія частныхъ лицъ на недостатки административнаго устройства теряютъ всякое значеніе и не заслуживаютъ вниманія.

Полагаютъ, что стоитъ передать административную власть дворянству, чтобы исправить всѣ нынѣшніе недостатки. Но на чемъ же это основано? Дворянство, какъ сословіе, ничѣмъ еще не доказало своихъ административныхъ знаній и способностей. Напротивъ, всѣ дѣла, которыя поручались до сихъ поръ сословному управленію дворянства, шли крайне дурно. Примѣромъ могутъ служить хозяйственныя распоряженія по бывшему ополченію; другой примѣръ вѣковой—дворянскія опеки. Въ нихъ, какъ и въ другихъ дворянскихъ дѣлахъ, распоряжаются преимущественно канцеляріи, составленныя изъ чиновниковъ низшаго разбора. Да и кто главные злоупотребители и лихоимцы, если не исправникъ и не судья, избираемые дворянствомъ? Даже лица, назначаемыя правительствомъ, принадлежатъ почти исключительно дворянскому сословію и потому на него же падаетъ большая часть упрековъ, дѣлаемыхъ мѣстному управленію. И при такомъ низкомъ уровнѣ нашего общества мечтаютъ о сословномъ управленіи и даже конституціи!

Все это есть не что иное, какъ пошлое подражаніе иностраннымъ памфлетистамъ, происходящее отъ совершеннаго незнанія отечественнаго быта и крайней незрѣлости въ мысляхъ.

Этимъ однимъ можно объяснить дерзкія выходки, коими наполнены поименованныя выше записки и статьи. Вамъ, государь, осмѣливаются говорить, что всякое довѣріе къ правительству потеряно и что оно неспособно для предстоящей реформы; осмѣливаются бездоказательно порицать всѣ правительственныя распоряженія и клевещутъ на мѣстныя управленія, будто они насиловали выборы членовъ въ губернскіе комитеты, доходятъ, наконецъ, до безсмысленной дерзости: будто правительство призвало дворянство къ участію въ крестьянскомъ дѣлѣ лишь для того, чтобы сложить съ себя отвѣтственность за всѣ послѣдствія.

При такомъ образѣ дѣйствій, стараются обвинять нынѣшнихъ дѣятелей по крестьянскому вопросу въ какихъ-то анархическихъ за-

мыслахъ. Вообще, всѣ противники освобожденія крестьянъ и явно, и тайно сосредоточиваютъ теперь всю свою оппозицію противъ редакціонныхъ коммисій. Говорятъ, и до свѣдѣнія вашего доводится, что всѣ вообще недовольны работами коммисій, «что они не обращаютъ вниманія на мнѣнія губернскихъ комитетовъ, и что въ нихъ преобладаетъ мысль односторонняя, враждебная дворянству».

Неудовольствіе помѣщиковъ понятно. Оно возбуждено было еще рескриптами. Имъ тяжело разставаться съ плантаторскими преимуществами. Теперь, стыдясь въ этомъ сознаться, силятся принять размѣры политической оппозиціи.

Что касается до труженническихъ работъ коммисій, то ихъ порицаютъ больше по слуху, ограничиваясь лишь общими мѣстами, и не входя вовсе въ подробности, для публики столичной и даже губернской мало доступныя, которая коммисіями добросовѣстно разбираются.

Второе обвиненіе также несправедливо. Проекты губернскихъ комитетовъ тщательно и, смѣю сказать, мелочно соображены и разработаны сперва въ министерствѣ, потомъ редакціонныя коммисіи сводятъ всѣ проекты, сличаютъ ихъ между собой и излагаютъ подробно причины, почему то или другое предположеніе не принято. Понятно, что губернскіе проекты не могутъ быть безусловно принимаемы, уже потому, что они между собой не согласны. Коммисіи даютъ предпочтеніе тѣмъ изъ нихъ, которые сообразнѣе съ указанными началами. Это не можетъ нравиться лицамъ, которыя свой проектъ силились сдѣлать общимъ, навязавъ его правительству вопреки высказаннымъ началамъ.

Если такимъ образомъ не доказана односторонность взгляда коммисій, то еще труднѣе будетъ доказать враждебное ея противъ дворянства направленіе.

Коммисіи составлены почти исключительно изъ помѣщиковъ, большею частью постоянно жившихъ въ деревняхъ, знакомыхъ и съ дворянскимъ въ провинціи, и съ крестьянскимъ бытомъ, и они хотя обнаруживаютъ свое сочувствіе къ улучшенію быта крестьянъ, но не имѣютъ никакой причины жертвовать законными интересами своего собственнаго сословія.

Я могу говорить безпристрастно, ибо въ назначеніи членовъ не имѣлъ иного участія, какъ только изъявилъ согласіе на назначеніе такихъ изъ нихъ, которые состоятъ подъ непосредственнымъ моимъ начальствомъ (3-хъ чл. изъ 30-ти). Поэтому, смѣю положительно сказать, что избраны были люди даровитые, знающіе дѣло и вообще достойные этого призванія. Большая часть изъ нихъ доказали и въ губернскихъ комитетахъ свои способности и душевное расположеніе къ предпринятому вашимъ императорскимъ величествомъ преобразованію.

Задача имъ предстоитъ трудная, ибо они должны отвѣтъ дать передъ совѣстью, передъ вами, государь, и предъ потомствомъ.

Ихъ преслѣдуютъ общими ни на чемъ положительно неосновательными обвиненіями, прикрывая тѣмъ тайное враждебное направленіе на добросовѣстный и отчетливый трудъ людей, посвятившихъ себя по волѣ вашей великому для блага Россіи дѣлу.

Чтобы довершить святое это дѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ оградить общественное спокойствіе, необходимо устранить враждебные происки, не допуская разъигрываться партіямъ и смыкаться имъ въ политическую оппозицію.

Вмѣшательство дворянскихъ депутатовъ въ рѣшенія крестьянскаго дѣла неминуемо повлечетъ за собою новыя требованія; уже и теперь гласно показываютъ желаніе вмѣшиваться въ финансовые вопросы, преувеличивая затруднительное ихъ положеніе. Если вызванные изъ губерній члены проявятъ свое противодѣйствіе высочайшей волѣ подъ какимъ бы благовиднымъ предлогомъ ни было, то нельзя терпѣть подобныхъ проявленій [1]) въ виду высказанныхъ конституціонныхъ стремленій.

Самодержавная власть опирается въ Россіи не на политическихъ расчетахъ одного сословія, но на задушевныхъ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ всего народа.

Одно опасно: если народъ потеряетъ вѣру въ слово государя. Крестьяне знаютъ царскую волю объ улучшеніи ихъ участи, ждутъ исполненія съ примѣрнымъ терпѣніемъ и покорностью. Но Богъ знаетъ, что случится, если увидятъ себя и по освобожденіи подъ властью дворянскаго сословнаго самоуправленія.

По крайнему моему убѣжденію, всякая малѣйшая уступка въ настоящее время была бы несовмѣстна съ достоинствомъ верховной власти. На скользкомъ пути уступокъ было бы трудно остановиться.

Пускай партіи умолкнутъ передъ твердой и неуклонной волею вашего величества—освободить крестьянъ безъ укрѣпленія ихъ къ землѣ, но съ прочною осѣдлостью и необходимыми поземельными угодіями.

Пусть всѣ партіи убѣдятся, что никакіе предлоги, ни лицемѣрныя увѣренія не въ силахъ поколебать право самодержавной власти, дѣйствующей на благо Россіи.

До крайности тяжело мнѣ было, государь, возмутить сердце ваше представленіемъ грустной картины. Но долгъ совѣсти и неограниченная преданность къ лицу вашему, независимо отъ вѣрноподданнической обязанности говорить передъ государемъ моимъ правду, все это вынуждаетъ меня открыть предъ вами со всею искренностью, съ кѣмъ имѣете дѣло и какія подъ льстивыми изъявленіями таятся сокровенныя намѣренія.

[1]) Рукою государя написано: „Ни подъ какимъ видомъ“.

Одна мысль утѣшаетъ: твердая ваша воля и постоянство въ дѣйствіяхъ вашего величества!

На подлинной запискѣ рукою С. С. Ланского написано: «Записка эта возвращена мнѣ отъ государя лично, въ Царскомъ Селѣ 4-го сентября, съ собственноручною отмѣткою карандашемъ:

«Все здѣсь изложенное совершенно согласуется съ моими собственными убѣжденіями. Всю мою надежду къ довершенію сего жизненнаго для Россіи вопроса возлагаю на Бога и на тѣхъ, которые, подобно вамъ, служатъ мнѣ вѣрою и правдою и въ мысляхъ своихъ не раздѣляютъ отечества отъ своего государя!»

2.

Записка министра внутреннихъ дѣлъ съ представленіемъ трехъ всеподданнѣйшихъ адресовъ членовъ губернскихъ комитетовъ.

4-го ноября 1859 г.

Поставленный болѣзненнымъ состояніемъ своимъ въ совершенную невозможность лично явиться въ засѣданіе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, считаю обязанностью съ высочайшаго соизволенія вашего императорскаго величества представить нѣкоторыя соображенія по тремъ прилагаемымъ адресамъ членовъ губернскихъ комитетовъ (изъ коихъ одинъ, подписанный Шидловскимъ, переданъ мнѣ съ высочайшею резолюціею генералъ-адъютантомъ Ростовцевымъ), а два другихъ, подписанные 18-ю и 5-ю членами, были мною лично представлены вашему величеству.

Во всѣхъ этихъ адресахъ, по мнѣнію моему, обращаютъ на себя вниманіе двѣ стороны.

Во-первыхъ, общее, болѣе или менѣе рѣзкое порицаніе трудовъ редакціонныхъ коммисій и, во-вторыхъ, домогательство, чтобы проекты законоположеній о крестьянахъ были подвергнуты окончательному обсужденію со стороны дворянскихъ уполномоченныхъ.

По первому предмету нельзя не замѣтить, что порицаніе работъ редакціонныхъ коммисій изложено въ общихъ выраженіяхъ безъ всякихъ положительныхъ доводовъ и доказательствъ; при этомъ нельзя тоже не принять во вниманіе всѣ предшествовавшія обстоятельства, достовѣрность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію.

Еще въ началѣ прошлаго лѣта, когда коммисіи только что приступили къ своимъ работамъ, въ петербургскомъ обществѣ стали распространяться всякаго рода враждебные отзывы противу коммисій. Пользуясь общественнымъ легковѣріемъ, нѣкоторыя лица составляли и пу-

скали по рукамъ извѣстный проектъ всеподданнѣйшаго адреса, въ которомъ не только опорочивались заранѣе будущія работы коммисій, но осуждались самыя дѣйствія правительства по крестьянскому дѣлу.

Къ сожалѣнію, большая часть членовъ губернскихъ комитетовъ, по пріѣздѣ сюда, подчинилась тому же направленію. Вліяніе составителей означеннаго проекта адреса было явно и общеизвѣстно. Замѣчательно, что съѣхавшіеся члены, съ предъявленіемъ имъ работъ коммисій, стали уже гласно осуждать ихъ и совѣщаться о поднесеніи всеподданнѣйшаго адреса противъ коммисій. При этомъ высказывались самыя крайнія и пристрастныя мнѣнія. Когда по высочайшей волѣ было устранено домогательство нѣкоторыхъ членовъ составить изъ себя особое совѣщательное собраніе, то это еще болѣе раздражило самыхъ горячихъ противниковъ редакціонныхъ коммисій. Съ тѣхъ поръ противодѣйствіе ихъ приняло самый непріязненный характеръ и сопровождалось разными весьма печальными явленіями, которыя свидѣтельствуютъ, какъ мало нѣкоторые члены губернскихъ комитетовъ оправдали довѣріе къ нимъ правительства.

По окончаніи работъ членовъ возбуждена была между ними снова мысль о поднесеніи всеподданнѣйшаго адреса. Впрочемъ, изъ 37 членовъ, 13 вовсе отъ этого уклонились, прочіе не могли придти къ общему соглашенію, и раздѣлились на три группы. Самая многочисленная, состоящая изъ 18 человѣкъ, сознается, что ее соединяетъ лишь противодѣйствіе редакціоннымъ коммисіямъ; убѣжденія же ея членовъ насчетъ разрѣшенія крестьянскаго дѣла, какъ извѣстно, весьма противуположны и разнорѣчивы.

Не касаясь тѣхъ частныхъ замѣчаній, которыя сдѣланы членами по разнымъ статьямъ предположеній редакціонныхъ коммисій и которыя будутъ въ свое время представлены на разсмотрѣніе главнаго комитета, я считаю обязанностью выразить свое мнѣніе только насчетъ того бездоказательнаго порицанія работъ коммисій, коимъ нынѣ вниманіе вашего величества . . . . . [1])

Изъ предшествующаго очерка видно, что такой рѣзкій выводъ не можетъ считаться слѣдствіемъ безпристрастнаго и хладнокровнаго разсмотрѣнія дѣла. Постоянные разговоры мои съ разными лицами и чтеніе рукописныхъ и печатныхъ статей, разсѣянныхъ нынѣ во множествѣ для возбужденія общественнаго мнѣнія, привели меня къ горестному убѣжденію, что безусловное осужденіе редакціонныхъ коммисій касается не столько трудовъ ихъ (еще не всѣмъ извѣстныхъ), сколько тѣхъ основныхъ и коренныхъ началъ, которыя приняты высшимъ правительствомъ и которымъ слѣдовали коммисіи.

---

[1]) Пропускъ нѣсколькихъ словъ въ запискахъ М. А. Милютиной.

Въ этомъ высказываются самыя различныя мнѣнія, съ большею или меньшею искренностью, но въ основѣ ихъ лежатъ стремленія крайне опасныя для будущаго спокойствія Россіи. Одни желаютъ освобожденія крестьянъ безъ усадьбъ и земли; другіе стараются отрѣзать отъ крестьянъ значительную часть ихъ нынѣшняго поземельнаго надѣла или оставить крестьянъ въ совершенной зависимости отъ помѣщиковъ; наконецъ, нѣкоторые преслѣдуютъ мысль обязательнаго выкупа по возвышенной оцѣнкѣ. Сими и имъ подобными стремленіями, противными указаніямъ вашего величества, объясняется то систематическое противодѣйствіе, которымъ преслѣдуются нынѣ коммисіи. Не предрѣшая подробностей труда сихъ послѣднихъ, я долженъ по совѣсти сказать, что общее ихъ направленіе въ этомъ отношеніи совершенно согласно съ высочайше утвержденными началами, заключающимися въ журналахъ главнаго комитета; по глубокому убѣжденію моему, всякое отступленіе отъ этихъ началъ было бы пагубно для будущности государства и породило бы такія столкновенія, которыя обратились бы во вредъ самому дворянскому сословію.

Съ этой точки зрѣнія редакціонныя коммисіи поступили совершенно правильно, не стѣсняясь предположеніями губернскихъ комитетовъ, когда сіи предположенія были несогласны съ общими началами. Между тѣмъ, это послужило одною изъ главныхъ причинъ обвиненія противъ коммисій. При этомъ забываютъ, что проекты, присланные изъ губерній, представляютъ самыя рѣзкія противурѣчія, и что въ большей части губернскихъ комитетовъ произошли даже внутренніе раздоры между членами, отчего проекты большинства и меньшинства по одной и той же губерніи совершенно расходятся и въ основаніяхъ и въ подробностяхъ. При такомъ положеніи дѣла не было никакой возможности согласить предположенія губернскихъ комитетовъ, тѣмъ болѣе, что они большею частью и односторонни, и неудовлетворительны.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, я не могу признать бездоказательное порицаніе трудовъ редакціонныхъ коммисій, выраженное во всеподданнѣйшихъ адресахъ ни основательнымъ, ни даже добросовѣстнымъ.

Обращаясь ко второй части сихъ адресовъ, я нахожу, что она составляетъ главный и существенный предметъ въ настоящемъ дѣлѣ.

Домогательство разрѣшить крестьянскій вопросъ собраніемъ сословныхъ выборныхъ высказано было первоначально въ С.-Петербургскомъ губернскомъ комитетѣ. Потомъ оно вошло въ проектъ всеподданнѣйшаго адреса, составленный здѣсь прошлымъ лѣтомъ и повторенный нынѣ (въ краткомъ извлеченіи) членомъ симбирскаго комитета Шидловскимъ. То же стремленіе, хотя въ значительно смягченномъ видѣ, выражается въ

*

адресѣ 18-ти членовъ, а также въ болѣе скрытой формѣ обнаруживается въ адресѣ 5-ти членовъ.

Для правительства, по убѣжденію моему, не важны эти второстепенные оттѣнки, проистекающіе отъ личныхъ воззрѣній. Важно то общее направленіе, которое именно въ послѣднее время стало распространяться, заявляя себя свободно и открыто, не только въ означенныхъ адресахъ, но и въ разныхъ статьяхъ рукописныхъ и печатныхъ (особенно на иностранныхъ языкахъ).

Смѣю думать, государь, что общая государственная польза требуетъ, чтобы этимъ беззаконнымъ стремленіямъ положенъ былъ предѣлъ для спасенія самихъ, большею частью неразумныхъ, ревнителей дворянскаго интереса.

По великодушному указанію вашего величества дворянству было предоставлено три раза изложить свои мнѣнія и желанія по крестьянскому дѣлу: сперва въ уѣздныхъ собраніяхъ, потомъ въ губернскихъ комитетахъ, а нынѣ чрезъ вызванныхъ членовъ. Всѣ поданныя мнѣнія и данныя разработываются и сводятся самымъ тщательнымъ образомъ по высочайшей волѣ редакціонными коммисіями. Отзывы членовъ губернскихъ комитетовъ будутъ также представлены въ подлинникахъ съ объясненіями коммисій.

Затѣмъ дальнѣйшее участіе этихъ членовъ или другихъ уполномоченныхъ отъ дворянства въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, было бы, очевидно, излишне и для разъясненія самаго дѣла безполезно. Послѣднее доказывается тѣмъ, что вызванные члены послѣ двухъ мѣсячныхъ усилій и совѣщаній не могли даже между собою сойтись въ самыхъ основныхъ вопросахъ.

Окончательное рѣшеніе дѣла, имѣющаго столь важное государственное значеніе, принадлежитъ одному верховному правительству, которое одно можетъ безпристрастно взвѣсить и согласить интересы обоихъ сословій.

При той многосторонней критикѣ, которой подвергаются труды редакціонныхъ коммисій, высшее правительство будетъ имѣть всѣ нужныя данныя для правильнаго сужденія о составляемыхъ проектахъ.

Посему нѣтъ никакого повода измѣнять порядокъ, уже принятый для разработки этого важнаго дѣла. Всякое колебаніе въ однажды установленномъ и всѣмъ извѣстномъ порядкѣ было бы, какъ смѣю думать, несовмѣстно съ достоинствомъ правительственной власти и истинно гибельно для крестьянскаго вопроса, отдаливъ разрѣшеніе его на неопредѣленное время и внеся шаткость тамъ, гдѣ особенно нужна твердость и постоянство въ усиліяхъ.

Въ заключеніе я не могу не высказать своего мнѣнія о самой формѣ ходатайствъ, представленныхъ членами. Я не смѣлъ скрыть отъ вашего

величества поданные мнѣ адресы, но выраженныя въ нихъ притязанія считаю тѣмъ болѣе незаконными, что члены, призванные лишь для представленія нужныхъ свѣдѣній и объясненій, дозволили себѣ вмѣшательство въ распоряженія правительства, не взирая на то, что по высочайшей волѣ были уже отвергнуты подобныя домогательства съ ихъ стороны. Вслѣдствіе сего я полагалъ бы поставить на видъ всѣмъ членамъ, подписавшимъ адресы, сдѣлавъ имъ чрезъ губернскія начальства надлежащія внушенія по сему предмету.

Не лишнее будетъ замѣтить, что если въ мнѣніи и запискахъ Ланского краски нѣсколько усилены, то это дѣлалось съ цѣлью убѣдить государя не придавать слишкомъ большого значенія оппозиціи и относиться къ ней спокойнѣе. Въ этомъ не приходилось раскаяваться. Напротивъ, непоколебимая твердость правительства принесла ожидаемую пользу. Въ концѣ ноября умы стали понемногу успокаиваться, депутаты разъѣхались, начался зимній сезонъ, Петербургъ съ увлеченіемъ предался плѣнительной пѣвицѣ Бозіо въ новопоставленныхъ операхъ Верди.

Неоспоримая побѣда осталась какъ будто за редакціонными коммисіями [1]), которыя продолжали свои работы съ новымъ рвеніемъ, надѣясь даже привести ихъ къ окончанію чрезъ четыре мѣсяца, когда новый нежданный врагъ чуть было не выдалъ ихъ обезоруженными въ лагерь своихъ противниковъ.... Смерть уже тайно подтачивала дни предсѣдателя, Якова Ивановича Ростовцева.

Пока министръ внутреннихъ дѣлъ твердо и рѣшительно выражалъ свои мнѣнія по поводу современныхъ событій и писаній, пока такъ упорно велъ борьбу съ III отдѣленіемъ, противудѣйствуя всѣмъ кляузамъ и доносамъ, не теряя своей обычной невозмутимости и благодушія, Ростовцевъ истощалъ свои силы и понемногу угасалъ. Эти два характера были совершенно разны. Предоставленный самому себѣ, и Сергѣй Степановичъ конечно не нашелъ бы достаточно мужества и отваги, ни, въ особенности, умѣнья отстаивать дѣло, и во всякомъ случаѣ потерялъ бы главную руководящую его нить. Но старый либералъ и масонъ 20-хъ годовъ, искренно съ-молоду преданной мысли объ освобожденіи крестьянъ, зубами держался представившейся возможности разрѣшить вопросъ, съ веселымъ оптимизмомъ встрѣчалъ всякую новую бурю, беззавѣтно поручая себя болѣе способному кормчему, а полная солидарность мнѣній министра и товарища помогали Николаю Алексѣевичу дѣйствовать. Ростовцевъ находился въ совершенно дру-

---

[1]) При подобныхъ поворотахъ дѣла, сила и вліяніе Николая Алексѣевича возрастали, консерваторы начали ласкаться къ нему.

гихъ условіяхъ; онъ не довѣрялъ ни себѣ ни другимъ и не имѣлъ характера твердо и неуклонно идти по одному и тому же пути. Постоянныя нападки на коммисію, коей онъ былъ предсѣдателемъ и гдѣ работа росла не по днямъ, а по часамъ; кроткія предостереженія государя съ одной стороны, спѣшная энергическая отвага коммисіи—съ другой, раздражавшія его самолюбіе, схватки и драматическія событія, продолжавшіяся все лѣто и осень съ депутатами, отравляли его покой и испортили много крови. Послѣ продолжительной изнурительной лихорадки, у него на спинѣ открылся карбункулъ, исходъ котораго въ ноябрѣ еще трудно было предвидѣть, но который съ декабря 1859 года долженъ былъ устранить его отъ занятій коммисіи. Работы ея продолжались подъ номинальнымъ предсѣдательствомъ старшаго ея члена (по чину) Булгакова, но въ сущности руководимыя Николаемъ Алексѣевичемъ, который самъ измученный тревогами, работою и безсонными ночами, въ дѣлѣ, однако, ни минуты не терялъ головы. Напротивъ, чѣмъ крупнѣе становились препятствія, тѣмъ замѣтнѣе возростала его энергія, подымая его выше и выше надъ объстоятельствами. Онъ ихъ всегда доминировалъ. Этой нравственной силѣ подчинялись даже самые вліятельныя, по таланту, члены, признавая его такъ сказать, своимъ начальникомъ и коноводомъ, хотя, по существу онъ былъ лишь членомъ на равныхъ правахъ съ ними. Это невольное подчиненіе объяснялось главнымъ образомъ умѣньемъ его выдвигать впередъ одни только интересы дѣла, о себѣ лично вовсе не заботясь,—свойство, передъ которымъ умолкали и самыя щекотливыя самолюбія. Но если въ стѣнахъ занятій онъ былъ хозяинъ, то съ другой стороны по офиціальному положенію въ министерствѣ несъ больше отвѣтственности.

Къ этому времени; въ хронологическомъ порядкѣ событій, принадлежитъ появленіе статьи, объ аристократіи Безобразова въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и брошюра Кошелева «Депутаты и Редакціонная коммисія», напечатанныя въ Лейпцигѣ и покровительствуемыя самимъ шефомъ жандармовъ.

Вотъ что писалъ князь Долгоруковъ министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому 9-го декабря 1859-го года:

«Имѣю честь увѣдомить ваше высокопревосходительство, что можетъ быть государю угодно будетъ знать ваше мнѣніе насчетъ статьи Безобразова, напечатанной,въ 1-ой ноябрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» № 31 подъ заглавіемъ «Аристократія и интересы дворянства», и потому, не изволите ли вы предварительно прочесть означенную статью».

По полученію этого письма С. С. Ланской представилъ государю о статьѣ Безобразова слѣдующую записку.

«Статьи объ аристократіи, помѣщенныя въ четырехъ книжкахъ «Рус-

скаго Вѣстника», представляютъ большею частью выписки изъ сочиненій нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ (Дункера, Риля, Гнейста и другихъ), которые въ противуположность французскимъ ультра-демократическимъ идеямъ, доказываютъ необходимость высшихъ классовъ въ правильно развитыхъ гражданскихъ обществахъ, что подтверждаютъ какъ общими философскими разсужденіями, такъ и историческими данными. Эта часть разсматриваемыхъ статей, часть теоретическая или отвлеченная не выходитъ, какъ кажется, изъ предѣловъ, подлежащихъ ученой разработкѣ.

«Но мѣстами, особенно въ послѣдней статьѣ, заключаются очевидно намеки на Россію, а въ концѣ прямо сдѣланы выводы, относящіеся до нашего дворянства.

«При всей неясности изложенія, явномъ смѣшеніи понятій и совершенной непрактичности сужденій, нельзя не замѣтить стремленія чтобы дворянству (или правильнѣе землевладѣльцамъ) предоставлено было самостоятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, или такъ называемое самоуправленіе, хотя подъ этимъ именемъ говорится мѣстами собственно о внутреннемъ управленіи сословій (которое въ извѣстной степени допускается и нашими законами), но въ другихъ мѣстахъ то же слово принимается какъ будто въ смыслѣ управленія общаго или государственнаго, что уже было бы прямо противно основаніямъ нашего законодательства.

«Не могу однакожъ скрыть, что и косвенные намеки подобнаго рода при настоящемъ положеніи дѣлъ весьма вредны, если не по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, то по нравственному вліянію на извѣстную среду общества.

«Нѣкоторые изъ противниковъ крестьянскаго дѣла уже дозволяли себѣ указывать на необходимость предоставленія политическихъ правъ дворянству, въ замѣнъ упраздняемаго крѣпостного права.

«Побужденія тутъ ясны, съ одной стороны, желаніе выставить пугало въ глазахъ правительства и тѣмъ запутать вопросъ, съ другой— волновать умы дворянства, которое, при настоящихъ ожиданіяхъ, находится, конечно, не въ нормальномъ положеніи.

«Подобныя притязанія, лишенныя всякой прочной основы на русской почвѣ, противныя всѣмъ народнымъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, наконецъ несогласныя, какъ я полагаю, съ общимъ духомъ и понятіями самаго дворянства, могутъ волновать лишь людей крайне близорукихъ или ослѣпленныхъ страстями. Тѣмъ не менѣе такія притязанія очевидно терпимы быть не могутъ и потому необходимо зорко слѣдить, чтобы они не находили себѣ пищи даже въ общихъ и отвлеченныхъ разсужденіяхъ, по вопросамъ государственнаго права».

По поводу брошюры Кошелева С. С. Ланской въ январѣ 1860 года представилъ государю записку слѣдующаго содержанія:

«Брошюра оправдываетъ образъ правительственныхъ дѣйствій. Изъ нея видно, что задушевное желаніе прибывшихъ сюда депутатовъ перваго приглашенія было составить изъ себя государственное учрежденіе, которое рѣшило бы окончательно крестьянскій вопросъ. Мысль явно высказанная сперва Михаиломъ Безобразовымъ, чрезъ Платонова, братомъ его Николаемъ Безобразовымъ въ напечатанной въ Лейпцигѣ запискѣ, Михаиломъ же Безобразовымъ—въ поданной на высочайшее имя запискѣ, а потомъ проявляющаяся подъ разными видами во всѣхъ адресахъ, гласныхъ и негласныхъ мнѣніяхъ частныхъ лицъ, какъ напр. Платера-Зиберга въ письмѣ его къ Тимашеву и въ другихъ извѣстныхъ вашему императорскому величеству.

«Обманутыя надежды сихъ пріѣзжихъ депутатовъ, подстрекаемыхъ здѣшними мнимыми аристократами, были поводомъ раздраженія, развезеннаго ими по губерніямъ, гдѣ преобладаютъ праздность и легковѣріе.

«Замѣчательно, какъ сочинитель низко ставитъ всѣ губернскіе проекты. Такое сознаніе не должно ли во многомъ оправдывать редакціонныя коммисіи? Все прочее, болѣе или менѣе, натяжка неудовлетвореннаго самолюбія. Выходки противъ бюрократіи и чиновничества не что иное какъ пошлыя общія мѣста, коньки, на которыхъ выѣзжаютъ всѣ нынѣшніе прогрессисты. Легко было бы написать возраженіе на всѣ возводимые въ брошюрѣ пустословныя обвиненія».

При такихъ условіяхъ насталъ 1860 годъ, и труженики крестьянскаго дѣла, въ виду все ухудшающагося состоянія здоровья предсѣдателя, съ горестью себя спрашивали—что принесетъ годъ имъ новаго... На Рождество у насъ была для дѣтей елка, къ которой великая княгиня Елена Павловна прислала Николаю Алексѣевичу альбомъ для фотографій своихъ сотрудниковъ по коммисіи, предлагая надписать псаломъ Давида: «Сѣющіе слезами—радостью пожнутъ»...

Между тѣмъ въ городѣ уже ходили слухи о безнадежномъ положеніи Якова Петровича Ростовцева, называли кандидатами на предсѣдательское мѣсто: Михаила Николаевича Муравьева и Виктора Никитича Панина, двухъ личностей, съ которыми членамъ редакціонной коммисіи было невозможно вести дѣло, и эксперты начинали уже поговаривать: не лучше ли имъ разъѣхаться, прежде чѣмъ ихъ разгонятъ?... Не даромъ же оживлялись надежды аристократической партіи и графъ Б. говорилъ Николаю Алексѣевичу:

— Неужели вы думаете, что мы вамъ дадимъ кончить это дѣло? Неужели вы серьезно это думаете?... Полноте, пожалуйста. Не пройдетъ и мѣсяца какъ вы всѣ въ трубу вылетите, а мы сядемъ на ваше мѣсто...

Наконецъ развязка наступила: Я. И. Ростовцевъ скончался въ 7 ч. утра 6 февраля 1860 г.

«Пріѣзжайте ко мнѣ поскорѣе, писалъ Н. А. Милютину С. С. Ланской; намъ нужно условиться о томъ что слѣдуетъ дѣлать».

Больной и разстроенный Николай Алексѣевичъ на-скоро одѣлся и отправился къ Сергѣю Степановичу. Послѣ двухчасового совѣщанія, Ланской рѣшилъ, что всего лучше ему самому вызваться въ предсѣдатели и вмѣстѣ съ Николаемъ Алексѣевичемъ составилъ слѣдующее письмо, поданное государю въ тотъ же день 6-го февраля 1860 г.

«Ваше императорское величество.

«Горестное извѣстіе о кончинѣ достойнаго Якова Ивановича вынуждаетъ меня немедленно выразить предъ вашимъ величествомъ откровенныя мысли по поводу вчерашняго разговора.

«Работы, начатыя по указаніямъ вашимъ и продолжавшіяся до сихъ поръ подъ руководствомъ Якова Ивановича, подвинулись на столько, что въ одинъ и много въ два мѣсяца можно закончить весь трудъ редакціонной коммисіи. Теперь самое важное дѣло—объясниться съ вызванными отъ губернскихъ комитетовъ членами и ихъ распустить. Затѣмъ остается только послѣдній пересмотръ работъ и всѣхъ сдѣланныхъ на нихъ замѣчаній.

«Все это необходимо выполнить въ томъ духѣ и направленіи, въ какомъ дѣйствовалъ, по указаніямъ вашимъ, генералъ-адъютантъ Ростовцевъ. Этого требуетъ самое достоинство правительства, особенно теперь, такъ сказать въ виду 43-хъ депутатовъ, съѣхавшихся изъ разныхъ концовъ Россіи.

«Смѣю думать, что при такихъ обстоятельствахъ, завѣдываніе коммисіею должно быть возложено на одного человѣка. Участіе нѣсколькихъ лицъ, при существующихъ разногласіяхъ и противоположныхъ направленіяхъ, введетъ такое колебаніе и обнаружитъ такую слабость со стороны правительственныхъ мѣстъ, что не только дѣло замедлится, но и духъ противодѣйствующей партіи разгорится еще сильнѣе.

«До сихъ поръ, дѣйствія Якова Ивановича (Ростовцева) и мои были совершенно согласны и дружны. По этой причинѣ если вашему величеству будетъ угодно, чтобы обезпечить неуклонное исполненіе предначертаній покойнаго, основанныхъ на вашей волѣ, я готовъ принять на себя въ настоящее время ближайшее завѣдываніе редакціонною коммисіею. Не измѣняя нисколько ни ея состава, ни образа дѣйствій, при помощи Божіей и вашемъ довѣріи, я надѣюсь привести начатую работу къ успѣшному окончанію не далѣе двухъ мѣсяцевъ. Послѣ того останется лишь кодификація, т. е. перечень окончательнаго проекта поло-

женія, для чего, вѣроятно, потребуются въ свое время особенныя распоряженія по благоусмотрѣнію вашего величества.

«Государь! если я дерзаю говорить о себѣ въ настоящую горестную минуту, то руководствуюсь единственно глубокимъ желаніемъ обезпечить точное и скорое исполненіе вашей воли, которую не было суждено довершить преданнѣйшему изъ вашихъ слугъ, принесшему и самую жизнь свою на святое дѣло».

На подлинномъ рукою государя написано:

«Я рѣшу это дѣло, когда прочту послѣднюю записку Якова Ивановича, о которой онъ мнѣ неоднократно говорилъ и которую мнѣ вручили сію минуту. Насчетъ же довѣрія моего къ вамъ, оно вамъ извѣстно, и я никогда не забуду всѣ услуги, оказанныя вами въ этомъ святомъ дѣлѣ, на которое, я знаю, что вы смотрите такъ-же какъ и я».

Четыре дня спустя, 11-го февраля 1860 г. тотчасъ по возвращеніи отъ доклада государю, Сергѣй Степановичъ увѣдомилъ Н. А. Милютина о назначеніи новаго предсѣдателя гр. В. Н. Панина.

«Предсѣдательство, писалъ онъ, въ коммисіи возлагается послѣ Ростовцева на Панина съ тѣмъ, чтобы онъ ничего не измѣнялъ ни въ установленномъ ходѣ дѣла, ни въ личномъ составѣ. Рѣчь объ этомъ была при мнѣ, въ присутствіи великаго князя Константина Николаевича и князя Орлова. Лучше-ли вашъ гриппъ?..»

На другой или третій день, Николай Алексѣевичъ получилъ письмо изъ Москвы, отъ Ѳ. М. Дмитріева, въ которомъ говорилось слѣдующее:

Москва, 11-го февраля 1860 г.

«...О васъ я слышу часто: ваше имя во всѣхъ устахъ, съ прибавкою всевозможныхъ выраженій ненависти со стороны коренныхъ русскихъ помѣщиковъ. Нѣсколько времени тому назадъ, я по силѣ этихъ выраженій догадывался, что въ Петербургѣ дѣла идутъ хорошо и до нельзя радовался. Но кажется теперь черныя тучи опять собираются, если правда, что Панина назначили на мѣсто Ростовцева».

«Торжество реакціонной партіи было полное, и могло равняться лишь унынію и деморализаціи коммисіи. Предоставляя характеристику графа Панина людямъ, имѣвшимъ съ нимъ близкое дѣло, и заграничной прессѣ того времени, остроумно воспѣвавшей его неподражаемыя отношенія къ товарищу своему, Михаилу Ивановичу Топильскому, скажу только, что министръ юстиціи былъ человѣкъ извѣстный своимъ обскурантизмомъ. Къ крестьянской реформѣ, такъ сильно и весьма естественно волновавшей умы послѣдніе три четыре года, онъ до того времени относился не только индиферентно, но даже презрительно. Аристократы глядѣли на него, однако, какъ на вліятельнѣйшаго своего представителя и покровителя и радости ихъ въ его назначеніи не было границъ.

— Ростовцевъ, говорили они, послѣднее время подпалъ совершенно подъ вліяніе демагога князя Черкаскаго и Милютинской партіи, которая его совсѣмъ отуманила и вела путемъ соціализма къ анархіи и революціи. Графа Панина труднѣе будетъ осѣдлать; онъ не впадетъ въ подобную ошибку и съумѣетъ постоять за дворянскую честь.

«Они радовались, что государь, наконецъ, хочетъ круто поворотить дѣло.... но едва ли это входило въ его намѣреніе. Напротивъ, все заставляетъ предполагать противное и изумляться рѣдкой его твердости и проницательности взгляда. Какъ низко онъ цѣнилъ политическій характеръ графа Виктора Никитича Панина—видно изъ отвѣта его великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая (какъ сама передавала Николаю Алексѣевичу), сильно разстроенная и огорченная событіемъ послѣднихъ дней, рѣшилась выразить его величеству свое удивленіе о назначеніи Панина и сомнѣнія, будетъ ли онъ съ пользой служить дѣлу, которому такъ мало сочувствуетъ?

— Вы не знаете характера графа Панина, сказалъ ей государь; у него вовсе нѣтъ убѣжденій и будетъ только одна забота угодить мнѣ.

«Назначеніемъ его въ коммисію государь, видимо, хотѣлъ лишь успокоить партію крѣпостниковъ, а съ глазу на глазъ вмѣнялъ ему въ непремѣнную обязанность ни на волосъ не отступать отъ положенныхъ и утвержденныхъ началъ. Въ сущности, вліяніе Якова Ивановича никогда не было сильнѣе какъ послѣ его смерти. Онъ умиралъ жертвою «святого дѣла»; послѣдніе его дни были мужественнѣе всей жизни, они примирили съ нимъ даже враговъ его и не могли сильно не подѣйствовать на его державнаго друга. Спокойный и твердый передъ концомъ, прощаясь съ государемъ, онъ ободрялъ его продолжать начатое, и оставилъ ему записку, въ которой излагалъ уже сдѣланное, и завѣщалъ неуклонно слѣдовать дальнѣйшей программѣ редакціонной коммисіи [1]).

Члены ея, однако, не могли въ ту пору знать настоящаго расположенія и намѣренія государя.

Отъ безпокойствъ Николай Алексѣевичъ совсѣмъ разнемогся и разлученный на нѣсколько дней съ своимъ министромъ получилъ отъ него слѣдующія записки:

13-го февраля. Графъ Панинъ желаетъ васъ видѣть и получить отъ васъ точныя свѣдѣнія о положеніи и ходѣ занятій двухъ коммисій: редакціонной и объ устройствѣ полиціи. Когда я сказалъ ему, что вы больны, онъ вознамѣрился побывать у васъ самъ въ теченіе недѣли. Когда вы будете въ состояніи принять его, то онъ назначитъ день.

---

[1]) Объ этой запискѣ государь говоритъ въ отвѣтѣ Ланскому. Редакція ея принадлежитъ князю Черкаскому, но въ ней выраженъ единодушный взглядъ коммисіи.

Онъ желаетъ, говоритъ онъ, ознакомиться черезъ васъ съ направленіемъ работъ. Запаситесь терпѣніемъ и постарайтесь быть спокойнымъ насколько возможно. Какъ здоровье обоихъ васъ?

15-го февраля. Сообщивъ Панину, что вы не въ состояніи будете еще выходить въ продолженіе восьми дней, я сказалъ ему въ то же время, что вы къ его услугамъ и что отъ него зависитъ назначить день и часъ, когда ему угодно у васъ быть. Сегодня онъ долженъ былъ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ въ засѣданіи, которое будетъ происходить у его императорскаго высочества.

Первый визитъ графа Панина былъ дѣйствительно испытаніемъ для терпѣнія Николая Алексѣевича и повергъ его и его товарищей въ ужасъ и отчаяніе. Человѣкъ умный, но крайне односторонній и упорный, графъ Викторъ Никитовичъ не понималъ или, быть можетъ, не хотѣлъ понять и себѣ усвоить основныя принципы реформы.... Свиданіе это было предвкусіемъ новыхъ страданій и новыхъ компликацій по крестьянскому дѣлу.

Оправившись немного, Николай Алексѣевичъ, въ первый разъ выѣхалъ 25-го февраля на вечеръ въ Михайловскій дворецъ, гдѣ онъ имѣлъ утѣшеніе слышать нѣсколько подкрѣпительныхъ словъ отъ государя....

На этомъ къ сожалѣнію прерываются интересныя и важныя въ историческомъ отношеніи воспоминанія М. А. Милютиной и мы въ концѣ помѣщаемъ записочки бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланского къ Н. А. Милютину [1]). Записочки эти повидимому мало содержательны, но онѣ относятся къ 1859—1860 г.г., когда крестьянская реформа была въ послѣднемъ періодѣ своего развитія. Документы эти при всей своей внѣшней незначительности—живыя свидѣтельства тѣхъ близкихъ отношеній, какія существовали между С. С. Ланскимъ, игравшимъ столь громадную роль въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, и Н. А. Милютинымъ. Послѣдній былъ не только товарищемъ Ланского но вмѣстѣ съ Я. А. Соловьевымъ, и его нравственною опорою, его вдохновителемъ.

Вотъ эти записочки:

1.

Ноября 1859 г.

Сегодняшнее засѣданіе прошло довольно хорошо; я даже былъ затѣмъ доволенъ. Нессельроде явился было съ своей поправкой, но долженъ былъ взять ее назадъ, такъ какъ нашелъ ее ошибочною.

---

[1]) Записочки эти большею частію писаны на французскомъ языкѣ и здѣсь предлагается ихъ переводъ.

2.

Январь 1860 г.

Вотъ двѣ статьи, которыя составляютъ продолженіе статьи предъидущей и заслуживаютъ вниманія[1]). Я думаю, что слѣдовало бы прервать наше безмолвіе и пустить статью оправдательную съ истиннымъ изложеніемъ фактовъ. Обвиненія слишкомъ велики, чтобъ можно было пройти ихъ молчаніемъ и не просвѣтить общественное мнѣніе. Статья должна быть написана по французски на столько коротко и вѣско, на сколько возможно. Какъ вы объ этомъ думаете?

3.

17-го сентября 1860 г.

Государь приметъ васъ въ понедѣльникъ, въ Царскомъ Селѣ, въ часъ дня если у васъ нѣтъ засѣданія въ комитетѣ. Вы уже съумѣете съ этимъ сдѣлаться. Его величество призывалъ Панина сегодня утромъ и совѣтовалъ ему быть болѣе дѣятельнымъ. Государь недоволенъ медленностью. Панинъ обѣщалъ представить свою работу въ главный комитетъ 10-го октября.

4.

26-го октября 1860 г.

Государь приметъ всѣхъ членовъ редакціонной коммисіи въ слѣдующій вторникъ, въ часъ дня, въ Зимнемъ дворцѣ. Члены получатъ пригласительныя повѣстки, но я спѣшу предувѣдомить васъ объ этомъ, а вы, съ своей стороны, сообщите тѣмъ изъ нихъ кого увидите. Этимъ вы обязаны не Панину: его величество самъ такъ пожелалъ.

5.

3-го ноября 1860 г.

Составьте отвѣтныя возраженія на замѣчанія ревизіонной коммисіи, проектъ которой я вамъ при семъ посылаю.

Слова его величества были приняты безъ всякой поправки; я сообщу ихъ офиціально каждому изъ членовъ, чтобы не произошло ложныхъ истолкованій. Сегодня главный комитетъ получилъ выговоръ за вчерашнее засѣданіе. Завтра еще у насъ будетъ одно засѣданіе.

---

[1]) Брошюра съ нападками на ходъ крестьянскаго дѣла.

6.

21-го ноября.

Прошу васъ пріѣхать ко мнѣ сегодня утромъ до часу. Очень нужно съ вами переговорить.

7.

6-го декабря.

Не знаю съ чего я взялъ, что вы празднуете именины свои весной, и теперь лишь узналъ свою ошибку, которую могу исправить только письменнымъ поздравленіемъ и пожеланіемъ отъ души, какъ вамъ, такъ и домочадцамъ вашимъ, всевозможныхъ благъ.

Не доставите ли мнѣ сегодня вечеромъ проектъ дополнительнаго объяснительнаго-секретнаго предписанія губернаторамъ?

8.

8-го декабря.

Предупреждаю васъ, что докладъ мой отложенъ до субботы. Если имѣете что сообщить государю, то передъ вами нынѣшняя ночь и завтрашній день.

9.

18-го апрѣля 1861 г.

Не знаю окончится ли засѣданіе въ совѣтѣ министровъ сегодня къ 4-мъ часамъ. Предупреждаю васъ, что я буду обѣдать въ городѣ и возвращусь очень поздно. Завтра я не выѣду изъ дома послѣ засѣданія въ комитетѣ министровъ. Выбирайте время, чтобы намъ условиться о ходѣ этого дѣла.

10.

21-го апрѣля 1861 г.

Такъ какъ государь рѣшилъ сдѣлать васъ сенаторомъ, то я думаю, что въ вашихъ интересахъ было-бы лучше рѣшить дѣло сегодня, чѣмъ откладывать его до вашего возвращенія изъ-за границы. Въ этомъ

смыслѣ я сообщилъ повелѣніе его величества Панину, съ сохраненіемъ вамъ отпуска и содержанія.

11.

29-го апрѣля 1861 г.

Надѣюсь, что вы не лишите меня удовольствія видѣть васъ на моемъ послѣднемъ завтрашнемъ вечерѣ [1]).

[1]) Къ Пасхѣ 1861 года С. С. Ланской пожалованъ въ графы, и вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Н. А. Милютинымъ уволенъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ.